

**«ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ»: АНАЛИЗ ВАРИАТИВНОСТИ
ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ ФРАГМЕНТА
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Е.Д. Поварницына

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00620

В статье уточняется представление о франкоязычных переводах «Слова о полку Игоре» посредством сопоставительного анализа 13 переводов фрагмента «Плач Ярославны» (с точки зрения лексики, семантики, стилистики), определяются некоторые переводческие тенденции в рамках заявленного корпуса, фиксируются стандартные/нестандартные варианты перевода, выявляются причины переводческой вариативности.

***Ключевые слова:** перевод, переводная множественность, «Слово о полку Игоре», «Плач Ярославны», переводы средневекового текста.*

На сегодняшний день насчитывается более 15 переводов «Слова» на французский язык, 13 из которых послужили материалом данной работы: Н. Бланшар, 1823 [12]; Ф. Эйкхофф, 1839 [16]; Ф. Баргон Фор-Рион, 1878 [10]; Н. Кульманн, 1937[21]; А. Грегуар, 1948 [18]; Ф. Супо, 1950 [25]; Е. Коновалов, 1954 [20]; Е.В. Эмерик де Ботзарис, 1973 (опубликован в 2019) [17]; Ж.И. Гийу, 1977 [19]; Ж. Бланкофф, 1998 [13]; Е. Вольский, 2002 [27]; К. Пигетти, 2005 [24]; А. Маркович, 2020 [22]. Некоторые переводы сопровождаются параллельными русскими текстами или реконструкциями, для других переводов оригинальный русский текст или реконструкция могут быть указаны в паратекстах к изданию. К этим оригинальным текстам мы обращаемся при наличии сильных расхождений в переводах. Кроме того, опорным древнерусским текстом, используемым при цитировании и трактовке темных мест, является древнерусский текст-реконструкция, представленный в Лингвистическом словаре-справочнике «Слова о полку Игоре» [4].

Предлагаемое исследование вписывается в рамки актуальной области традуктологии – изучения переводной множественности. В центре работы – анализ фрагмента «Слова о полку Игоре», который в русской традиции носит название «Плач Ярославны». Фрагмент представляет собой девятую часть всего текста памятника. Большинство исследователей считают, что данный фрагмент начинается со слов «На Дунаи Ярославнынь глась слышитъ...» и оканчивается словами «...тугою имь тули затче»¹⁰. Некоторые учёные полагают, что фрагмент «Плач Ярославны» является самостоятельным сочинением и был включён в основной текст позднее. Д.С. Лихачев подчёркивает особый характер этого фрагмента, полагая что «Плач Ярославны» является примером произведения устной народной поэзии, которое автор «Слова» цитирует, «приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет за Ярославну, но в таких

¹⁰ Все примеры даются в упрощенной орфографии.

формах, которые действительно могли ей принадлежать» [5: 23]¹¹. Один из переводчиков «Слова», Е.Д. Коновалов, утверждает, что у памятника было три автора, один из которых создал интересующий нас фрагмент: «Четыре строфы лирической поэзии, известные под названием «Плач Ярославны», были присоединены к произведению двух других авторов, один из которых сочинил вступление и историческое повествование, а другой, участник похода, дополнил текст описанием природы» [20: 16].

В работе рассматривается лексическая вариативность и вариативность стилистических фигур в условиях переводной множественности. Исследование основывается на описательной теории перевода [23]. Такой принцип анализа множественных переводов стал базой для сопоставления французских переводов «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, выполненного А. П. Богинской [1], и русских переводов романа Г. Флобера «Мадам Бовари», осуществлённого В. В. Карапец [3]. Целью работы является, с одной стороны, уточнение представлений о франкоязычных переводах «Слова о полку Игореве» при помощи сопоставительного анализа французских переводов фрагмента «Плач Ярославны» с точки зрения лексики, семантики и стилистики. С другой стороны, в цель входит выявление определённых переводческих тенденций в рамках изучаемого корпуса, разграничение стандартных и нестандартных вариантов перевода и определение причин переводческой вариативности. К стандартной переводческой вариативности мы относим случаи, когда, во-первых, варианты перевода получены путём применения базовых переводческих приёмов (транслитерация, словарный эквивалент, синонимические ряды, транспозиция, буквальная передача стилистических фигур и др.); и, во-вторых, если определённый вариант перевода не является уникальным, а встречается в нескольких переводах [8].

Анализ переводов «Плача Ярославны» проводится по традиционной схеме исследования параллельных текстов. Критерии сопоставления устанавливались на базе классических трансформационных концепций Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [26], «деформационных» концепций А. Бермана [11], принятых в переводоведении дихотомий архаизация/модернизация, национализация/ксенофилизация У. Эко [15]. При работе со стилистическими фигурами опорным трудом послужило исследование М. Бономма [14], который выделяет 4 категории стилистических фигур: морфологические, синтаксические, семантические и референциальные. Особое внимание при анализе переводов «Плача» уделяется семантическим и референциальным фигурам. Следует также отдельно оговорить нарративную составляющую анализа. В исследуемом фрагменте повествование ведётся от третьего лица. Однако, в одном из переводов появляется повествователь в первом лице. Такие случаи уже были описаны в исследовании Е.Э. Разлоговой [8]. Это нестандартный вариант перевода, который необходимо отметить.

¹¹ В развитие этой мысли у ряда исследователей появляется предположение, что «Плач Ярославны» является произведением, написанным неизвестной русской поэтессой XII в. (Гуларян А.Б., С.Н. Кайдаш-Лакшина).

Лексическая вариативность во французских переводах «Плача Ярославны»

Явление лексической вариативности в переводах рассматривается с помощью сопоставления отдельных лексем. Иногда в анализируемом корпусе переводов вариативность не обнаруживается вовсе. Так, у переводчиков нет разногласий в выборе эквивалента древнерусского слова *рукавь* в контексте «омочю бибрянь рукавь въ Каялѣ рѣцѣ», в качестве перевода используется *manche*. Однообразны и переводы глагола *омочю*, для которого практически все переводчики выбрали *tremper*. Бланшар же предлагает иной вариант перевода, где упоминание «рукава» отсутствует: *J'irai puiser (...) une onde douce et pure aux lieux où la Kayale arrose la verdure*.

Кроме того, в этой фразе присутствует тёмное место, связанное с трактовкой слова *бибрянь*. *Бобръ* может иметь значение как «шелковой ткани», так и «бобра» (по Словарю-справочнику). Почти во всех переводах на французский язык эквивалентом для *бибрянь* становится *de castor* (9). В переводе Баргон Фор-Риона появляется слово *fourrure* (употребляется гипероним для этого значения, т.е. рукав сделан из меха, но переводчик не уточняет из какого), а в переводе Бланкоффа – *vair* (пер. беличий мех, употребляется авторский эквивалент, который можно поставить в один смысловой ряд с *castor* и *fourrure*). Только в самом позднем переводе употреблено *de soie blanche*. Таким образом, одним переводчикам не была известна трактовка «шелковый», а большинство других сочли такой перевод неправильным (в их ряду Гийу, который в комментариях указывает, что одно из значений «бобръ» – «*étoffe précieuse*», однако он останавливает свой выбор на «*de castor*», потому что этот вариант звучит более поэтично на французском языке, а также по причине известных переводчику «*vertus médicales de la peau de castor*»)¹². В переводах на современный русский язык обнаруживаются оба варианта.

В основном, переводческая вариативность в области лексики связана с синонимическими рядами; переводчики выбирают для передачи один из синонимов, задаваемых словом из оригинального текста. Так, глагол *мычеши* («Чему мычеши Хиновская стрѣлки») передан следующими французскими глаголами: *porter* (10), *pousser* (1), *lancer* (1), *chasser* (1).

Используя разные синонимы, переводчики прибегают к различным переводческим приёмам. Например, среди переводов лексемы *носадь* («Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады до плъку Кобякова»), которое относится к категории историзмов¹³, фиксируем следующие эквиваленты: *flotte* (1), *navires aux proues recourbées* (1), *bateaux* (2), *chalands* (1), *nefs* (6), *proues recourbées* (1), *drakkars* (1). Здесь переводчики употребляют либо нейтральное обобщающее слово (например, *bateaux*), либо стараются передать

¹² Предложение, которое включает в себя лексему «бибрянь» – «...омочю бибрянь рукавь въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Если верить в «целительные» свойства бобрового меха (о чем пишет Гийу), то трактовка большинства французских переводчиков логична.

¹³ При переводе историзмов встречается также употребление транскрипции и транслитерации [7: 60], в нашем корпусе таких примеров не обнаружено.

специфический вид плавательного средства, используя для перевода словосочетание, описывающее деталь судна (*navires aux proues recourbées*), либо останавливаются на названии деревянного корабля викингов (*drakkars*). Варианты *navires aux proues recourbées*, *proues recourbées* относятся к такому переводческому приёму как пояснение или разъяснение (*la clarification* в терминологии Бермана), а эквивалент *drakkars* демонстрирует употребление функционального аналога историзма. Все эти приемы стандартны для передачи элементов подобного лексического класса¹⁴. Лексема же *nefs*, выступающая в роли эквивалента в четырёх переводах, в словаре *Le Petit Robert* имеет помету «vx. ou roét.», что означает попытку переводчиков памятника исторически стилизовать и даже архаизировать¹⁵ свои тексты, а также привести в них поэтическое звучание.

При переводе существительного *морѣ* («лелѣючи корабли на синѣ морѣ») использован другой переводческий приём – метонимический сдвиг. Наряду с эквивалентами *mer* (9), *mers* (1), используется *vagues* (2) и *les vagues (...)* *de la mer* (1).

В рассматриваемом корпусе текстов обнаружена лексическая вариативность, связанная с многозначностью древнерусских лексем. Например, *насилно* («О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насилно вѣши?»), по Словарю-справочнику имеет первым значением «навстречу», то есть является наречием, а вторым значением «по принуждению, силой». Первое значение передано только в переводах Бланкоффа, Коновалова, Маркович (*contre nous, rencontre*). В других переводах предлагаются следующие варианты: *avec tant d'impétuosité* (1), *impétueusement* (1), *si impétueux* (1), *si fort* (2), *si rude* (1), *si rudement* (1), *avec tant de force* (1), *violemment* (1). Наряду с наречными эквивалентами представлен переход к другим частям речи – используется прием транспозиции.

В целом, в отношении лексики вариативность связана с французскими синонимическими рядами, задаваемыми эквивалентами древнерусских слов, что естественно для множественных переводов. В основном мы имеем дело с «обычной» переводческой вариативностью. Существенные расхождения появляются по причине выбора переводчиками разных трактовок древнерусских лексем и использования различных переводческих приёмов.

Вариативность переводов стилистических фигур и нарратив

Прежде всего, следует отметить появление вариативности в области нарратива. В передаче фрагмента *На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычетъ* в подавляющем большинстве переводов повествование ведётся от третьего лица (например, *Sur le Danube la voix de Jaroslavna se fait entendre* (Гийу)). Однако в переводе Грегура, оригиналом для которого послужила реконструкция Якобсона, фигурирует первое лицо: *Mais j'entends la voix de Yaroslavna; dès l'aube, dans son angoisse, tel le coucou, elle lance son appel.* (Грегуар). Якобсон утверждал, что в оригинальном тексте

¹⁴ См. [7].

¹⁵ Ряд исследователей рассматривает архаизмы как стилистические фигуры. В нашем исследовании архаизация фиксируется при анализе лексической вариативности, поэтому и упоминается в данном контексте.

памятника в данном фрагменте было два энклитических местоимения, датив *ми* и аккузатив *ся*. Реконструкция имеет вид «Ярославны ми ся глась слышитъ». Поэтому Грегуар в своём переводе добавляет местоимение *je*. Однако, как замечает Гийу, данная формулировка является сомнительной. В этом суждении он опирается на трактовку Обнорского и Булаховского [2], которые пришли к выводу, что в данном фрагменте глагол «слышитъ» употреблён в возвратном значении. Такого рода явления смены нарративной схемы были обнаружены также у некоторых переводчиков при анализе 16 франкоязычных переводов «Пиковой дамы» [8].

Вариативность проявляется и при передаче некоторых стилистических фигур. Лексема *свѣтлое* употреблена с прилагательным *тресвѣтлое* («Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!»), что является художественным приёмом – повтором с градацией (второе прилагательное усиливает качественный признак первого) – поэтому мы будем рассматривать варианты перевода данного слова в составе группы: *Свѣтлое и тресвѣтлое*. Перед переводчиками стояла задача отобразить данную фигуру средствами французского языка:

Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!

Soleil étincelant ! (Н. Бланшар)

Soleil ! (...) soleil trois fois brillant ! (Ф. Эйкхофф)

O Soleil (...) brillant soleil (Ф. Баргон Фор-Рион)

O soleil radieux ! (Н. Кульманн)

O Soleil clair et trois fois clair ! (А. Грегуар)

O radieux soleil (...) trois fois lumineux soleil (Ф. Супо)

O Soleil clair et brillant ! (Е.Д. Коновалов)

Ô clair soleil, soleil radieux ! (Е.В. Эмерик де Ботзарис)

Clair, trois fois clair soleil ! (Ж. И. Гийу)

Clair, trois fois clair soleil ! (Ж. Бланкофф)

Ô soleil, très brillant soleil ! (Е. Вольский)

Soleil lumineux, trois fois lumineux ! (К. Пигетти)

Ô, clair ô trois fois clair Soleil ! (А. Маркович)

В двух переводах (Бланшара и Кульманна) повтор опущен, группа прилагательных имеет эквивалентом одно прилагательное: *étincelant* (в переводе Бланшара) и *radieux* (в переводе Кульманна). В переводе Баргон Фор-Риона нет повтора прилагательного, но обнаружен повтор существительного: *O Soleil «..» brillant soleil*. Кроме того, в первом случае существительное написано с заглавной буквы, таким образом демонстрируется степень важности предмета. Подобным приёмом пользуются Вольский и Эмерик де Ботзарис, оставляя, однако, написание существительного *soleil* с маленькой буквы и, в случае Вольского, добавляя наречие *très* перед прилагательным. В переводе Эйкхоффа замечена похожая тенденция, но наречие степени заменено на группу «trois fois».

Среди рассматриваемых переводов существуют те, в которых усиление признака передано через конструкцию *прилагательное А + trois fois + прилагательное А* (Грегуар, Гийу, Бланкофф, Пигетти, Маркович), эти переводы являются буквальными. В четырёх переводах употреблено прилагательное *clair*, в одном – *lumineux*. Супо использует похожую конструкцию, но выбирает разные прилагательные (*radieux* и *lumineux*), а также вводит повтор

существительного. Еще одним вариантом перевода стало употребление двух разнокоренных синонимичных прилагательных, соединённых союзом *et*. Обнаруживаем данное решение в переводе Коновалова – *clair et brillant*.

В общем, переводчики стараются передать градацию признака и пытаются сохранить фигуру с помощью разного лексического наполнения и используют различные переводческие приёмы, которые укладываются в традиционную схему передачи стилистических фигур.

В корпусе рассматриваемых переводов зафиксировано также введение некоторых стилистических фигур. Например, перифразы у Бланшара, отсутствующей в оригинальном тексте: лексема *лада* (ласкательное название возлюбленного, супруга) становится в его переводе *l'objet de mes plus tendres vœux et la cause des pleurs*, хотя в параллельном тексте лексема *лада* имеет эквивалент *милый*. В этом же переводе обнаруживаем введение олицетворения при помощи транспозиции и изменения функций частей предложения (смена агента):

Ярославна *рано* плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
L'aurore dans Putivl la *voit* pleurer encor.

В ещё одном переводе XIX века, Баргон Фор-Риона, фиксируется другая переводческая находка – введение гипаллаги, разновидности метонимии, при которой определение относится не к соседнему слову, а к другому слову из контекста. *Хиновъскыя стрѣлки* (стрелы) получают эквивалент *les flèches cruelles que le Khan décoche*.

Вариативность переводов стилистических фигур определяется как стандартная, однако имеются серьёзные расхождения в случае вольного стихотворного перевода Бланшара.

Заключение

Итак, при рассмотрении лексики переводов фрагмента «Плач Ярославны» наблюдается как вариативность в пределах нормы (синонимические ряды, метонимия), так и нестандартная вариативность, вызванная расхождениями смыслового порядка (например, при переводе *бобрян*). В области стилистики обнаружено несовпадение нарративной схемы оригинала и перевода – зафиксировано изменение повествования от третьего лица на повествование от первого лица с введением в текст французского местоимения *je* в переводе Грегура. Способы передачи стилистических фигур, в целом, укладываются в рамки «нормальной» переводческой вариативности, однако в ряде переводов вводятся некоторые фигуры (перифраза, олицетворение, гипаллага), не имеющие эквивалентов в оригинальных текстах.

Отметим также, что в переводах фрагмента «Плач Ярославны» обнаружено несколько элементов привнесённой архаизации текста (*носады* – *nefs*). Несмотря на то, что установка на архаизацию отсутствовала в программных паратекстах к переводам, вне рассматриваемого фрагмента элементы архаизации присутствуют в значительно большем объёме [6].

Список литературы

1. Богинская А.П. Качественное «обеднение» / «обогащение» в художественном переводе (на примере французских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 144–154.
2. Булаховский Л.А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. М. Л., 1950, С. 130–163.
3. Карапец В.В. Переводная множественность: заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов «Madame Bovary» на русский язык) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. №5. С.143–153.
4. Лингвистический словарь-справочник «Слова о полку Игореве». URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (дата обращения: 10.04.2021)
5. Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. 359 с.
6. Поварницына Е. Д. Лексическая вариативность во французских переводах «Слова о полку Игореве» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. №. 1. С. 142–158.
7. Пучкова И. Н. К вопросу о переводе историзмов в художественном тексте // Вестник Московского института лингвистики. 2012. №. 2. С. 58–63.
8. Разлогова Е.Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. №4. С. 52–73.
9. «Слово о полку Игореве»: Параллельный корпус переводов. Электронный инструмент сравнительного изучения текстов. URL: <http://nevmenandr.net/slovo/> (дата обращения 1.06.2020)
10. Barchon Fort-Rion de F. La Guerre d'Igor. Paris: Librairie générale, 1878. URL: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/anonyme/igor.htm> (accessed: 15.04.2020)
11. Berman A. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris: Seuil 1999. 141 p.
12. Blanchard N. Igor, poème héroïque traduit du russe, suivie de deux ballades traduites de Joukovsky, avec le texte de ces trois poèmes, et de poésies diverses. Moscou: Auguste Semen, 1823. Pp. IV-53
13. Blankoff J. Le Dit de la campagne d'Igor. Versailles: Les Éditions d'Art du Rameau d'Or, 1998. 160 p.
14. Bonhomme M. Les figures clés du discours. Paris: Seuil, 1998. 92 p.
15. Eco U. Dire presque la même chose. Expériences de traduction. Paris: Grasset, 2013. 460 p.
16. Eichhoff F. G. Histoire de la langue et de la littérature des slaves, russes, serbes, bohêmes, polonais. Paris: Cherbulier, 1839. 366 p.
17. Emeryk de Botzaris H. W. Le Dit de la campagne d'Igor. Versailles: VIA ROMANA, 2019. 46 p.
18. Gregoire H., Jakobson R., Szeftel M. La geste du Prince Igor' // Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, Université libre de Bruxelles. 1948. 383 p.
19. Guillou Le J.-Y. Le Dit de la campagne d'Igor. Québec: Les Presses de l'université de Québec, 1977. 163 p.
20. Kononov E. D. Le Dit de la campagne d'Igor : Poème médiéval russe (1187). Paris: M. Kononov E.D., 1954. 16 p.
21. Koulmann N., Behaghel M.-L. Le Dit de la campagne d'Igor: Poème médiéval russe (1187-1937). Dijon: Darantiere, 1937. 45 p.
22. Markowicz A. Khodyna (Vladimir de Tchernigov). Le Dit de l'ost d'Igor. Paris: Inculte, 2020. 142 p.

23. Oseki-Dépré I. Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris: Librairie Armand Colin, 1999. 285 p.
24. Pighetti C. La Geste du Prince Igor. Paris: La Différence, 2005. 90 p
25. Soupault Ph. Chant du Prince Igor. Rolle: Eyngard, 1950. 73 p.
26. Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée de l'anglais et du français. Paris/Montréal: Didier/ Beauchemin. 1958. 331 p.
27. Volsky E. La geste du prince Igor, poème russe du XIIe siècle. Montpellier: MMII. 2002. 226 p.

**"THE LAMENT OF YAROSLAVNA":
ANALYSIS OF THE VARIABILITY OF FRENCH TRANSLATIONS
OF THE FRAGMENT "THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN"**

E.D. Povarnitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The current research has been supported by the RFBR, grant no. 19-012-00620

The article is devoted to the analysis of multiple French translations of "The Tale of Igor's Campaign" on the example of a fragment that in the Russian-language tradition is called "The Lament of Yaroslavna". In the course of the study, we were able, firstly, to expand the understanding of the French-language translations of the "The Tale". Secondly, we traced the translation tendencies, identified some translation techniques, and determine the reasons for the translation variability.

Keywords: *translation studies, retranslation, "The Tale of Igor's campaign", "The Lament of Yaroslavna", translation of medieval texts.*

Об авторе:

ПОВАРНИЦЫНА Елена Дмитриевна – аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: nazaryeva.elena@gmail.com